
**Мифологическая модель
общечеловеческого бытия
в русскоязычной прозе А. Черчесова**

ГОЛИКОВА Лариса Порфирьевна

*Кандидат филологических наук,
профессор кафедры русской литературы,
теории литературы и критики
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Россия.*

Электронная почта: ma-ra@bk.ru.

ШАРОЙКО Марина Владимировна

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры
истории русской литературы, теории литературы и кри-
тики Кубанского государственного университета,
Краснодар, Россия.*

Электронная почта: ma-ra@bk.ru.

**The Mythological Model
of the Universal Human Being
in Russian Prose of A. Cherchesov**

Larisa P. GOLIKOVA

*Cand. Sci. (National Literature), Prof.,
Department of the History of Russian Literature, Theory
of Literature
and Critic, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
E-mail: ma-ra@bk.ru*

Marina V. SHAROYKO

*Cand. Sci. (National Literature), Assos. Prof.,
Department of the History of Russian Literature, Theory
of Literature
and Critic, Kuban State University,
Krasnodar, Russia.
E-mail: ma-ra@bk.ru*

Аннотация

Творчество современного осетинского прозаика А. Черчесова привлекает внимание как русских, так и зарубежных литературоведов и критиков. Первые два произведения писателя — «Реквием по живущему» и «Венок на могилу ветра» — продолжают традиции осетинского романа-мифа, представленного произведениями Н. Джусойты, Г. Черчесова, М. Булкаты и др. В статье рассматриваются мифологические рецепции, «вечные» категории добра и зла, одиночества и гордыни.

Ключевые слова: роман-миф, мифопоэтическое сознание, национальная модель общечеловеческого бытия, А. Черчесов, «Реквием по живущему», «Венок на могилу ветра», мотивы памяти, одиночества.

Abstract

The works of a contemporary Ossetian prose writer A. Cherchesov attract an attention both of Russian and foreign specialists in the study of literature and literary critics. The first two works of the writer «Requiem for the Living» and «The Wreath to the Tomb of the Wind» continue traditions of the Ossetian novel-myth, represented by the works of N. Dzhusoita, G. Cherchesov, M. Bulkata and others. This article

discusses the issues of mythological receptions, «eternal» categories of good and evil, loneliness and pride.

Keywords: a novel-myth, mythological and poetic consciousness, national model of universal human being, A. Cherchesov, «Requiem for the Living», «The Wreath to the Tomb of the Wind», motives of the memory, loneliness.

Художественные поиски осетинской литературы последних лет реализуются через национальное самосознание, через освещение многогранных проявлений личности нового типа, через правдивое изображение сложных связей реальной жизни. Отражая исторический опыт народа, писатели используют элементы фольклорного типа мышления.

Осетинский роман-миф вырос из мифологии северокавказских народов, из нартского эпоса путем сложной трансформации многих его составных частей: сюжетов, характеров, обстоятельств. Мифопоэтическое сознание синтезировало все ранние формы общественного сознания многих поколений: эпические, эстетические, религиозные, семейно-нравственные, философские. В связи с этим основные принципы современного мифомышления ориентированы на глубинные поиски «прародителя», понятия «архе», т. е. «начала начал». Таким образом, художественное сознание проходит путь эволюции от «мифопоэтического мышления до зрелого романного мифомышления» [6, с. 124] и воспринимается как одна из закономерностей в плане развития общероссийского литературного процесса на современном этапе.

Знаковой фигурой в осетинской и русской литературе последнего десятилетия XX в. стал прозаик Алан Чер-

чесов. Он дебютировал в 1990 г. в журнале «Новый мир» с рассказом «И будет лето». Критика обратила внимание на необычную творческую манеру автора. По словам А. Немзера, мало кто сейчас пишет по-русски «так красиво и самозабвенно, как Алан Черчесов» [4, с. 74].

В 1995 г. писатель представил свой первый роман «Реквием по живущему» — драматическую историю героя, вынужденного отказаться от призвания живописца. Он считает, что его картины предсказывают трагические события, поэтому перестает творить, отказывается и от собственного имени. С этого момента главный герой Одинокий становится лишь безмолвным свидетелем событий, разворачивающихся в горных осетинских аулах, в ущельях, на границах Кавказа и равнинной России, христианства и ислама. Он, по сути, посредник между вековыми традициями аула и чуждыми нравами, которые царят в близлежащей русской крепости. Обладая особым зрением, Одинокий видит происходящее так, как не могут видеть прочие герои. Но окружающие не воспринимают его как пророка, а напротив, они не любят, даже боятся Одинокого, так как «в глазах его не было ни злобы, ни тепла» [8, с. 232], в его странной личности, в его поступках «соединяется несоединяемое» — добро и зло.

Важен в романе мотив «спрятанной крови», то есть крови, не пролитой в соответствии с древними обычаями мести. «Что, в сущности, означает “спрятанная кровь”? Спасенную жизнь или отсроченную месть? А может, отсроченную месть за чью-то спасенную жизнь? Или, может, это только спасенная отсрочкой месть?» [8, с. 254].

Как оценить добрые поступки Одинокого, отвергающие обычаи предков? Считать ли уход Одинокого его поражением? Роман А. Черчесова не содержит прямых

апелляций к морали. Неразрешимые поиски права на благой поступок так и остаются неразрешимыми. «Моральные заповеди в изображенном мире сформулировать невозможно, ибо любое осознанное личное усилие рискует опрокинуть общинные “категорические императивы”, — считает критик А. Торчинов. — Однако само по себе понимание только что выведенной антиномии, передача ее из уст в уста, от поколения к поколению позволяет увидеть жизнь в ее непрерывности, исполнить “реквием по живущему”» [5, с. 4].

Экзистенциальные мотивы произведения реализуются в категориях модернизма. При этом в полифонической структуре романа соединяется русская и восточная стилевая традиции. Об этой особенности «Реквиема по живущему» эмоционально писала германская газета «Ди Вельт»: «По-восточному сказочно. По-европейски точно. Это отлично сочетается друг с другом! Само имя осетинского автора представляет собой англо-русскую смесь элегантно звучащая, а его проза наилучшим образом соединяет западное и восточное в своеобразный “диван” — эту сложную восточную литературную норму, структура которой напоминает узоры тибетского ковра. Черчесов в своем рассказе о кавказских “поисках утраченного времени” создает полифоническую вязь воспоминаний. Литературные связи обнаруживаются с Толстым, Достоевским, Гоголем <...>. Менее талантливый писатель настрогал бы из таких мотивов мрачный триллер. Черчесов же из этого материала делает большую литературу».

Критик Д. Бак обратил внимание на одну интересную закономерность черчесовских текстов. При практически полном отсутствии внешних характеристик народа («осетины», «осетинский») одновременно обилие слов,

малопонятных человеку, знакомому с Кавказом только понаслышке. «Хадзар», «нихас», «фынг», «хурджин» — слова употребляются без малейшей претензии на стилистическую изысканность. Но при этом, по мнению Д. Бака, в «Реквиеме по живущему» «намеренного этнографизма» нет [2, с. 225].

Сам А. Черчесов, несмотря на модернистскую технику и оригинальный образный строй его произведений, по сути, остается приверженцем традиций русской классической прозы с ее гуманистическим пафосом и воспитательной функцией. Литература для него начинается не с экспериментов, а с истории и творящих ее героев. «По существу эти герои творили не только сюжеты, но и саму вечность, к которой литература всегда старалась прислушиваться. Однако даже тогда, когда она не находила в ней ничего, кроме тотального абсурда бытия, литература старалась сохранить чувство собственного достоинства, которое было неотделимо от ее воспитываемого веками чувства ответственности человека и за истину о нем, какой бы горькой она ни была» [1, с. 69].

Обращение к сокровищнице народного творчества обогащает художественно-эстетический арсенал романного искусства, как по содержанию, так и по форме, придает ему особый колорит. Эта тенденция обновления за счет народных эпических фондов открывает новые возможности романа, в основе которого лежит специфический принцип мироустройства: бытописание, этнокультурные реалии, создающие в целом национальную модель общечеловеческого бытия. В произведениях современных осетинских писателей, в частности и А. Черчесова, руководствовавшихся данным эпическим принципом, создана картина мира, обнажившая своеобразие регионального

художественного сознания, направленного на межэтническую ориентацию.

Роман А. Черчесова «Венок на могилу ветра», написанный в 2000 г., был оценен как еще одна попытка создать современный национальный эпос на романной почве. Он начинается с описания мифологически изначального мира: «...Понадобится еще сотня лет (и новый грех), пока время не вспомнит о жизни. И тогда та примчится сюда на взмыленных конях, под вечер, прячась от погони и жажды, и, утолив ее (жажду, но не саму погоню), заночует здесь под сытым звездами небом. А потом, всего в два года, жизнь прибавит еще одинокого путника, юношу, сбежавшего от себя, двух сестер и обоз чужаков, чтобы выстроить здесь пять домов, мост и даже мельницу, и за восемь лет несколько раз родит, прежде чем впервые споткнется смертью. И тогда за рекой, в другой стороне от склепов, выроет двумя руками первую могилу и посеет в ней первое зерно новой памяти...» [7, с. 28].

А. Черчесов размышляет в своем романе о самой сути фундаментальных мифологических мотивов памяти, одиночества, добра и зла, любви и ревности, греха и Бога.

Некогда на берегу реки, что в пору романного действия *звалась* Проклятой, обитали люди. Они погибли. И напоминают о них лишь смутные легенды да шесть склепов. Полное небытие, «пустота и безвременье» — расплата за бытие, неотделимое от греха. Но торжество небытия лишь кажется окончательным. В этом месте появились новые обитатели — люди, которых объединило то, что они решились уйти от своих прежних бед и грехов и начать все с самого начала там, где триста лет до того обитала лишь смерть. Так появился новый аул, в котором было все, что нужно для жизни: дома, мост, мельница, свое хозяйство и пшеничное

поле. Лес давал людям мясо и ягоды, река — воду и рыбу. И все это — вопреки легенде о Проклятой реке. Но на этой земле нет эдема и ада — рай и преисподнюю человек несет в себе и с собой. Как свое имя, свою судьбу, свою вину, свой выбор, свое неведомое назначение [3, с. 143].

Автор не спешит представлять читателям первых поселенцев. Хамыц сначала просто «мужчина», его жена — «женщина», Тотраз — его «друг», Ацамаз — «чужак». И только лишь у одного персонажа так и не появится имени собственного: она так и останется просто «женой Хамыца» до самой смерти.

Многие имена в произведении взяты из нартского эпоса, но не все эпически значимы в пространстве произведения. А. Черчесов подчеркивает в примечаниях значения некоторых имен. В частности, «Ацамаз — это певец и музыкант, обладатель чудесной золотой свирели» [7, с. 37].

В начале романа этого героя можно сопоставить с Одиноким из «Реквиема по живущему». Он наделен талантом и чужд для жителей нового поселения. Хамыц так говорит о нем: «Коли он запоет, так весны нам лет сто не дожждаться... Если и живет в нем какая песня, так — погребальная» [7, с. 68]. Ацамаз, по замыслу автора, герой мифологический. Перед смертью *он* во весь голос запел, и его распахнувшийся голос воспарил, словно птица, привольем, разбежался крылами в безмерность пространства — живого, как безграничная сила души. А потом он сорвался. Лишь эхо все несло и несло его песнь, угасая, тихонечко тая в первозданном величье небес» [7, с. 524]. Умиравшая душа певца, воскресшая в песне, унеслась эхом «в первозданное величье небес».

Отношение к Ацамазу меняется, с течением времени у аула складывается своя история, события которой

сблизили всех жителей: «Гости все уместились за маленьким фынгом. Так им проще. Так лучше им слышать братство сплотившихся плеч» [7, с. 521]. Но при этом — они, герои романа, обособлены от мира и других людей: «Кто бы они ни были — их тоже нет для других. Они сами другие, не похожи на остальных. С этими людьми нам будет проще, потому что для всех остальных их попросту нет» [7, с. 153].

Связана с нартским эпосом и юная героиня романа Ацырухс, прославленная красавица — «божественный свет», «дочь Солнца» [7, с. 379]. К имени Ацырухс восходят и определенные авторские идеи романа-мифа, заложенные уже в названии: «Знаете, о чем я мечтаю? — говорит она. — Заплести огромный, как память, венок и найти ту могилу, где прячется ветер... Представляешь? Он ведь так одинок...» [7, с. 525].

События романа разворачиваются на фоне величественной и неукротимой природы: окруженное дремучим лесом урочище на берегу своенравной реки. Герои вынуждены постоянно преодолевать природную стихию — дожди, лесные пожары, снегопады, наводнения. Здесь, в этих местах, постоянно звучит зов Судьбы.

Особенно живым героям представлялся лес: «У леса свои глаза» [7, с. 136]; «Лес был хитер и коварен» [7, с. 222]; «Лес внезапно вдруг сделался прежним. Он снова наполнен душой, и, пожалуй, душа его — тайны» [7, с. 505]; «прятались лесные духи» [7, с. 222]. Символичен рассказ-притча старика: «Помню, однажды мальчишкой к заводу вышел, а в ней звезд насыпано — уйма. Стал пить — они прочь покатались. Тогда я в первый раз понял, что небо — сплошной обман. С того дня и задумал его проучить. Долго думал, почти до мозоли на лбу. Потом дождался беззвезд-

ной ночи, выбрался из дому, к заводу побежал и смотрю. А она — никакая. Сырое пятно у ручья, да и все. Только луна бельмом поверху плавает. Взял я тогда и полил ее сверху растопленным жиром. То-то она засверкала! Тысячи звезд мальками зашастали, искрами затолкались — похлеще небесных обманщиков. Я в ладошку собрал себе полную пригоршню, языком их слизнул и домой воротился. Так вот оно с той поры и выходит: коли хочешь звезду ощупать на вкус, сам ее перед тем и зажги. Иначе ни с чем останешься...» [7, с. 366].

Главными символами романа остаются река и склепы: действительно ли людей в склепах отравила река, сделал это место проклятым?

Герои романа на протяжении всего повествования пытаются разгадать загадку Проклятой реки. Больше всего эта загадка волнует Ацамаза, который не случайно появился в этом месте (он чувствовал, что именно здесь ему суждено умереть): «За поворотом скала отступала, и ему радостно открывалась река. Еще одна загадка, в которой время обратилось в легенду, отравилось в ней ядом и растекалось пустотой на триста лет вперед. Что это: прихоть напуганного мором воображения? Перст осерчавших небес? Обычная людская отговорка перед очередной непостижимостью? А может, это причуды вечности? Когда-нибудь, возможно, он поймет» [7, с. 188].

Река в романе символизирует одновременно и время, и судьбу: «Уцелев в который уж раз, остров сделался грязным пятном, бездомным бродягой, прикорнувшим на теле у времени, которое было рекой, а река становилась судьбой, посылая знамения. Люди слушали их, но никак не могли разобрать содержания. Быть может, просто отвыкли жить повседневной борьбой в пограничье меж тем, что

питает надежду, и тем, что ее ежедневно стремится убить» [7, с. 465].

Но прежде всего река — это стихия, принесшая наводнение, и она была в самом деле проклята. Однако, уже ближе к концу произведения, отношение героев к реке и к загадочному месту меняется. Теперь река для них — источник воды и рыбы, а история с отравлением аула — всего лишь поверье, которое, как оказалось, ничем не обосновано.

«Картина мира» в русскоязычных произведениях А. Черчесова, развивающихся в тесных контактных и типологических связях со всем многонациональным литературным процессом, закономерно привела к рождению своеобразной «энциклопедии» национального духа, поскольку в нем функционируют различные фольклорные и этнически самобытные пласты национального бытия и сознания. Романы «Реквием по живущему» и «Венок на могилу ветра» составляют своего рода дилогию, объединенную характерами главных героев, размышлениями о фундаментальных основах бытия и мифологической стилистикой. А. Черчесов является продолжателем традиций осетинского романа-мифа, представленных в произведениях Н. Джусойты «Возвращение Урузмага», Г. Черчесова «Заповедь», М. Буркаты «Походы Сослана Нарты», а также стилистических традиций мировой литературы.

Русскоязычные романы А. Черчесова, сохраняя духовность, этику и национальную образность осетинского народа, стремятся к глубинному раскрытию общефилософских проблем мироздания и человека в его многосторонних связях с окружающим миром.

Использованная литература:

1. *Бавильский Д.* Одиночное плавание методом погружения: Семь романов одного года: Глава «Сто дней одиночества» // Литературное обозрение. 1998. № 1. С. 68–69.
2. *Бак Д. П.* Плененный свободой // Новый мир. 1995. № 5. С. 203–233.
3. *Голикова Л. П., Шаройко М. В.* Русско-осетинские литературные коммуникации в контексте национальной самобытности. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2014.
4. *Немзер А. С.* Взгляд на русскую прозу в 1997 г. // Дружба народов. 1998. № 1. С. 169–170.
5. *Торчинов А.* Страсти по Одинокому // Северная Осетия. 1999. № 8. С. 4–5.
6. *Фидарова Р.* Роман-миф как новый жанровый тип в осетинской литературе. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского ин-та гуманитарных и социальных исследований, 2007.
7. *Черчесов А. Г.* Венок на могилу ветра. СПб.: Лимбус Пресс, 2000.
8. *Черчесов А. Г.* Реквием по живущему. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.